

**НОВОСИБИРСКАЯ
ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА
НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ:
ОТВЕТЫ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ**

З.И. Калугина

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

Аннотация

В статье представлены логика, специфика и основные теоретические и прикладные результаты исследований Новосибирской экономико-социологической школы за 1988–2008 гг. Выделены три этапа работы школы в этот период, обусловленные особенностями протекающих общественных процессов в российском обществе и являющиеся своеобразным ответом на вызовы времени: мониторинг экономических реформ; исследование институциональной динамики; конструирование новых теоретико-методологических схем анализа российского общества как целостного социально-экономического объекта.

Ключевые слова: научная школа, экономическая социология, социологический мониторинг, трансформационные процессы, вызовы времени, новая парадигма

Новосибирская экономико-социологическая школа (НЭСШ) представляет собой самобытное явление в российской социологии советского и постсоветского периодов. Лидером НЭСШ на всем протяжении ее становления и развития является академик Т.И. Заславская. Организационным ядром школы выступают отдел социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН и кафедра общей социологии экономического факультета Новосибирского государственного университета.

НЭСШ имеет более чем сорокалетнюю историю. На первых этапах деятельности коллектива тематика исследований определялась стремлением дать научное обоснование экономически и социально эффективных решений по развитию производительных сил Сибири. Мотивированность новосибирских социологов к творческому участию в решении социально-экономических проблем региона была обусловлена желанием противопоставить господствовавшим идеологическим мифам правду о социальной дифференциации, сложных и противоречивых социальных процессах, острых проблемах и конфликтах якобы беспроблемного и бескомпромиссного общества. Тщательная подготовка и проведение исследований, использование наиболее надежных методов построения выборки, валидность получаемой информации, глубокий и многосторонний анализ данных, надежность научных выводов обеспечили высокий престиж новосибирской социологии, доверие научного сообщества к ее результатам [1, с. 573–575].

История, логика и этапы развития НЭСШ подробно представлены в трудах Т.И. Заславской, коллективных монографиях школы и других изданиях, посвященных истории развития отечественной социологии [1–3].

Первая половина 80-х годов явилась переломным моментом в становлении Новосибирской экономико-социологической школы. Главными научными достижениями школы в этот период, по оценке Т.И. Заславской, были

- переключение основного внимания на изучение деятельности и поведения субъектов, которые служат движущей силой функционирования и развития общества;
- выявление социальных сил, поддерживающих и тормозящих изменение экономических отношений;
- актуализация, творческая разработка и операционализация понятий «механизм социального процесса» и «социальный механизм развития экономики»;
- осуществление социально-экономического эксперимента по внедрению в практику элементов более рациональных и эффективных внутривозрастных отношений;
- обоснование путей снижения конфликтности при проведении социально-экономических реформ.

В этот период произошли существенное повышение престижа НЭСШ, приобретение ею всесоюзной и международной известности. В апреле 1983 г. был подготовлен концептуальный доклад «О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии». Исследуя причины низкой эффективности советской экономики и закономерности ее развития, авторы показали ограниченность традиционного политэкономического подхода и обосновали необходимость создания новой экономико-социологической парадигмы исследования общественных процессов. Этот доклад попал за границу, был опубликован как «Новосибирский манифест» и воспринят как первая ласточка, возвещавшая начинавшуюся в СССР «весну», как свидетельство заметных идейных и социальных сдвигов в советской системе [1].

Однако ветер перемен в конце 80-х годов «унес» в Москву лидера школы и ряд других ведущих научных сотрудников. Академику Т.И. Заславской было поручено создать и возглавить Всесоюзный центр изучения общественного мнения. Отдел социальных проблем возглавил доктор экономических наук Ф.М. Бородин, который оставался на этом посту до конца 1995 г., а с начала 1996 г. отдел возглавляет доктор социологических наук З.И. Калугина.

АДАПТАЦИЯ НЭСШ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ

Радикальные экономические реформы, проводившиеся в России в начале 90-х годов, не только отразились на социально-экономической ситуации в стране, но и вызвали кардинальные изменения в научной сфере, в том числе и в социологии. Много обещавшее оживление интереса к социальным и экономическим наукам, особенно к прикладным результатам, наблюдавшееся в начале перестройки, сменилось в 90-х годах ухудшением условий работы отечественных ученых. Это проявилось в сокращении централизованного финансирования, снижении уровня заработной платы ученых, невозможности оплаты научных командировок и т.п. Из социологической науки в этот период ушло много высококвалифицированных специалистов, резко сократилось ее пополнение молодежью, уменьшилось число конференций и семинаров, где

социологи могли обсуждать наиболее актуальные проблемы и обмениваться информацией. Особенно неблагоприятно складывалась ситуация в нестоличных научных центрах.

Со всеми этими трудностями и проблемами нового времени столкнулся и новосибирский социологический коллектив. Из-за резкого сокращения государственного финансирования науки часть квалифицированных сотрудников отдела ушли в другие сферы деятельности (банки, биржи, консалтинговые фирмы и др.), а оставшиеся были вынуждены заниматься поиском дополнительных, негосударственных источников финансирования (через систему грантов отечественных и зарубежных фондов, хоздоговора, разовые заказы и проч.). Как следствие, уменьшилось время, затрачиваемое собственно на науку, произошло дробление исследовательских групп и тем, снизился престиж научной деятельности в глазах молодежи.

Однако даже самые негативные, на первый взгляд, явления и процессы несли в себе, как это ни парадоксально, некий положительный импульс, заставляя активизировать деятельность и полнее реализовать свой творческий потенциал многих сотрудников, в том числе и тех, кто в благополучные времена по тем или иным причинам оставался в тени. Исследовательские проекты коллектива получали признание и поддержку со стороны международных и отечественных научных фондов, общества социологов. Система грантов – новая для России тех лет форма поддержки научных исследований, активный поиск сотрудниками отдела внебюджетных источников финансирования позволили остановить отток квалифицированных кадров. Компьютеризация рабочих мест, осуществленная за счет средств, выделяемых по грантам, а также подключение к электронным средствам связи и системе Интернет расширили возможности получения оперативной информации о разработках в соответствующих областях, организации научных симпозиумов, конференций и конгрессов. Это позволило хотя бы частично решить проблему информационного голода, обусловленную сокращением поступлений новой научной литературы. Возникшие в этот период финансовые трудности в развитии науки в определенной мере компенсировались изменением идеологического климата в обществе, раскрепощением научной мысли, расширением доступа к достижениям миро-

вой общественной науки немарксистского толка, снятием административных барьеров в развитии научных контактов.

Успешной адаптации коллектива к новым условиям способствовали также определенные институциональные изменения. В 1993 г. Ф.М. Бородкин предложил отказаться от жесткой организационно-административной структуры отдела и перейти на более гибкую структуру – без секторов. Естественно, в такой ситуации резко повышалась роль научного совета, а также руководителя отдела и его заместителей в координации и регулировании научно-исследовательской деятельности. Вначале дирекция и ученый совет института весьма настороженно восприняли эту идею, но после тщательного обсуждения разрешили в порядке эксперимента организовать работу отдела на принципах формирования творческих коллективов (исследовательских групп). Практика показала дальновидность и эффективность такого решения.

Другим важным противовесом деструктивным процессам стало создание в институте докторантуры и специализированного совета по защитах докторских и кандидатских диссертаций по трем социологическим специальностям: «экономическая социология», «социальная структура, социальные институты и социальные процессы», «политическая социология». Это активизировало подготовку диссертационных работ, способствовало сохранению высоких научных требований, поддержанию творческих дискуссий и контактов с представителями других научных центров и школ. В 90-х годах сотрудниками и аспирантами отдела были защищены восемь кандидатских и три докторские диссертации.

СПЕЦИФИКА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НАЧАЛА 90-х ГОДОВ

Радикальное изменение системы социально-экономических отношений обусловило многоплановость и определило специфику исследований отдела социальных проблем в этот период. В 1991 г. сотрудниками отдела под руководством Ф.М. Бородкина были разработаны предложения по научно-социологическому сопровождению программы перехода России к рыночной экономике. В том же году эти предложения были представлены на проходившем в Москве I Съезде рос-

сийских социологов и оценены научной общественностью как целостная программа действий социологов в переходный для общества период. В них была определена основная задача отдела на ближайшую перспективу, состоявшая в проведении социологического мониторинга хода экономических реформ в регионах Сибири.

Для решения этой задачи коллективом были разработаны и реализованы конкретные программы проведения мониторинга хода экономических реформ в основных сферах экономики: промышленности, торговле, сфере обслуживания (В.И. Герчиков, С.Ю. Барсукова), аграрном секторе (З.И. Калугина, И.Н. Мартынова, О.П. Фадеева), жилищно-коммунальном хозяйстве (О.Э. Бессонова, С.Г. Кирдина). Предметом мониторинга стали сдвиги, происходившие в системе управления, трудовых отношениях, трудовой мотивации, моделях поведения, системе экономических и социальных институтов. Мониторинг экономических преобразований на региональном уровне позволил

- выявить реально протекающие в Сибири социально-экономические процессы;
- определить вектор важнейших социальных и экономических изменений (динамика уровня жизни, вектор демографических изменений, изменения в экономической структуре промышленного и аграрного производства);
- оценить эффективность реформирования;
- изучить новые феномены, связанные с трансформацией общества и экономики (новые организационно-правовые формы хозяйствования, безработица, социальная эксклюзия и др.).

Результаты мониторинга были обобщены и опубликованы в серии работ сотрудников отдела (библиографию см. в [2]).

Таким образом, в начале 90-х годов в исследованиях новосибирского социологического коллектива нашли отражение наиболее острые социальные проблемы переходного периода. Несмотря на все трудности перестроечного времени, новосибирский социологический коллектив продолжал функционировать и развиваться как самостоятельная научная школа, сохранив базовые черты НЭСШ и пополняя свой состав молодыми талантливыми сотрудниками и аспирантами.

ОТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА К ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Вторую половину 1990-х – начало 2000-х годов можно назвать «временем собирать камни». Результаты, полученные в ходе эмпирических исследований, не только послужили базой для верификации выдвигаемых гипотез, но и дали дополнительный импульс формированию новых теоретико-методологических направлений, позволяющих углубить научные представления о современных трансформационных процессах в российском обществе, обосновать траекторию и перспективы общественного развития.

Аналитики, интересующиеся историей НЭСШ, отмечали, что основное внимание в этот период уделялось институциональному устройству общества, функционированию важнейших экономических институтов, деятельности социальных акторов в тех или иных институциональных рамках. Интерес к институциональной проблематике отразил переход к анализу общественных структур, определяющих долговременную динамику развития российского общества. Объектами исследований коллектива являются общество как социальная система и социальная деятельность в достаточно широком контексте. Особое внимание привлекают процессы демографического и социального воспроизводства, повседневной жизнедеятельности населения, социальной адаптации к меняющимся в ходе трансформаций условиям жизни и «правилам игры», ведется мониторинг изменений, происходящих в основных сферах жизнедеятельности социальных субъектов как на селе, так и в городе [3].

Институциональный подход пронизывал практически все направления исследований коллектива в этот период. В одних исследованиях институты и институциональные изменения выступали в качестве самостоятельного объекта изучения (трансформация института собственности, власти, семьи и др.), в других – в качестве фактора, влияющего на ход социальных процессов (адаптации, стратификации, изменения трудовых отношений). Специально исследовались природа и генезис самих институтов в исторической ретроспективе (например,

институты раздаточной экономики России), а также механизмы интeриоризации новых правил и норм, их реализации в социальных взаимодействиях и поведении разных социальных групп (трансформация свободы на индивидуальном и социетальном уровнях, модели адаптивного и неадаптивного поведения групп и др.). Институциональная методология позволила органично увязать макро- и микроуровень исследований, потребовала расширения временных границ анализа и способствовала появлению новых перспектив научного поиска. Это нашло свое выражение в синтезе разнообразных подходов и конструировании на их основе новых методологических схем анализа [4].

В этот период в рамках НЭСШ были разработаны институциональная теория хозяйственного развития России, теория институциональных матриц, социолого-экономическая концепция трансформации свободы, исследованы вопросы теории, методологии и методики социологии адаптаций, в том числе социально-экономических систем, предложена новая парадигма сельского развития.

Согласно *институциональной теории хозяйственного развития России* (О.Э. Бессонова), российская экономическая система исторически относится не к рыночному, а к раздаточному типу, имеющему свои собственные законы развития и специфический механизм обратной связи в виде института административных жалоб. Институциональные циклы развития раздаточной экономики включают в себя основные и переходные периоды. Для основных периодов характерны сбалансированное функционирование институтов раздаточной экономики с преимущественно сдаточно-раздаточными отношениями, а для переходных – распространение института частной собственности с преимущественно товарно-денежными отношениями. Закономерности циклического развития институтов в исторической ретроспективе объясняют квазирыночный характер современных преобразований, который проявляется в метаморфозе чисто рыночных форм и модернизации институтов раздаточной экономики. Например, приватизация жилья предполагала смену государственного собственника на частного, однако в реальной жизни сохранена муниципальная собственность на жилье, но со значительным расширением прав индивидуальных квартиросъемщиков [5].

Оттолкнувшись от институциональной теории О.Э. Бессоновой и опираясь на наследие классиков, С.Г. Кирдина разработала **теорию институциональных матриц**, под которыми понимается устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер: экономической, политической и идеологической. По мнению С.Г. Кирдиной, институциональная структура обществ, характеризующаяся X - и Y -матрицами, и определяет разные пути эволюции государств [6].

В **социолого-экономической концепции трансформации свободы** (М.А. Шабанова) были обоснованы необходимость и правомерность выделения социологии свободы как самостоятельной области социологического знания, определены ее предмет, соотношение с другими науками, изучающими свободу (философией, экономической теорией, психологией, правом). В рамках этого направления сформулированы и верифицированы четыре частные социологические концепции: о положительной и отрицательной взаимосвязи свободы с независимостью и самостоятельностью, о закономерностях трансформации системы ограничителей свободы в меняющемся обществе, о динамике социальной стратификации и о закономерностях социальной адаптации к новым условиям в контексте свободы. На этой основе создана целостная социолого-экономическая концепция трансформации свободы на разных уровнях социальной реальности – социетальном, групповом, индивидуальном, которые рассматриваются во взаимосвязи друг с другом [7].

Необходимость институционализации новой научной дисциплины – **социологии адаптации** была обоснована Л.В. Корель. Показано место данного направления социологии в системе социальных наук об адаптациях, очерчена предметная область, обрисована многоуровневая иерархическая структура. Сформирован понятийный каркас на базе как уже используемых в социологии, так и заимствованных из естественных наук и адаптированных к социологии терминов. Выдвинут и обоснован тезис о необходимости дифференцированного построения концепций адаптации для эволюционных и бифуркационных сред [8, 9].

Эмпирическое знание объекта, серьезные теоретические наработки, накопленные в 90-х годах, психологическая готовность и способность коллектива к консолидации – все это послужило объективными

предпосылками для *осмысления России как целостного социально-экономического объекта*.

Для понимания исторического пути России и осознания необходимости переосмысления «генетической» совместимости классического рынка с российской экономической системой научной общест­венности пред­ъявлена *интегрально-институциональная парадигма цивилизационного развития* (О.Э. Бессонова). Она базируется на следующих фундаментальных методологических принципах:

- холистическое (целостное) восприятие социальной реальности;
- представление о дуальности противоположностей в рамках единой целостности;
- объяснение развития на основе циклической модели динамического равновесия;
- соотнесение двух противоположностей по принципу «доминантности – компенсаторности»: если одна из них доминирует, то другая играет компенсаторную роль, и наоборот;
- видение интегральной перспективы как стремления к согласованному единству дуальных противоположностей.

На основе новой картины мира О.Э. Бессонова показывает траекторию и современный вектор развития России, дает прогноз формирования в стране экономики либерального раздатка, адекватного экономике социального рынка Запада [10, 11].

В рамках исследования адаптивных механизмов Л.В. Корель предложила

- *оригинальную модель определения механизма адаптации социальных систем;*
- *концепцию последовательного включения разных по глубине механизмов адаптации социальных систем:* защитные барьеры; защитные приспособительные процессы трансформирующего и преобразующего плана; актуализация компенсаторных процессов (с акцентуацией вопросов, связанных с выходом системы за пределы компенсаций в зону декомпенсаций); актуализация инновационных процессов, обеспечивающих необходимые преобразования структуры и функций;

- **комбинаторную концепцию иерархичности адаптивных механизмов**, отражающую представления об условиях и предпочтениях включенности и невключенности системы в адаптивный процесс более общих структур.

На примере России показано, что «комбинаторность» механизма адаптации региона определяется с учетом доминирующего типа отношений, де-факто выстраиваемых между регионом и федеральным центром. Выделяется четыре типа этих отношений: отчуждающие, проникающие (малорефлексивные), взаимоориентированные, интеграционные. Делается вывод, что в ближайшее десятилетие развитие России и ее регионов в адаптивном ракурсе в значительной степени будет определяться утверждением институциональных практик инновационного характера взамен действия компенсаторных механизмов [12].

Своеобразным итогом исследования трансформационных процессов в аграрном секторе России явилась разработка **новой парадигмы сельского развития** (З.И. Калугина, О.П. Фадеева). Ее суть заключается в смене ориентиров – переходе от государственного патернализма¹ к саморазвитию аграрного сектора с опорой на внутренние ресурсы и равноправное партнерство государства, бизнеса и населения. Стратегической целью сельского развития в рамках новой парадигмы является обеспечение качественного прорыва в повышении уровня и качества жизни сельского населения и устойчивого развития сельских территорий на основе полифункциональности аграрного сектора, многопрофильности сельской экономики, многоукладности аграрного производства, сохранения неурбанистического образа жизни населения. Достижение этой цели обеспечивается с помощью институциональных, экономических, организационных и социальных механизмов. Эта парадигма находится в русле общемировых тенденций. В условиях глобализации и открытости национальных экономик, обострения конкурентной борьбы за рынки сбыта, повышения требований к качеству продукции со стороны потребителя и сокращения государственных субсидий и дотаций на сельскохозяйственное производство актуализируется поиск дополнительных источников развития сельских территорий [13, 14].

¹ Однако это не означает полного ухода государства из аграрной сферы и снижения его ответственности за развитие села.

В начале 2000-х годов были продолжены исследования современных демографических процессов, миграции иностранной рабочей силы, демографической безопасности страны, предложено обоснование новой демографической политики (С.В. Соболева). Под *демографической безопасностью* понимается состояние защищенности жизни, формирования и воспроизводства демографических структур (половозрастной, этнической, семейной). *Демографические угрозы* – это явления, процессы и действия, которые отрицательно влияют на функционирование демографической сферы и противоречат национальным и (или) региональным целям демографического развития², нарушают целостность, независимость и суверенитет государства. Обеспечение демографической безопасности предполагает создание условий, необходимых для нейтрализации реальных и предупреждения потенциальных демографических угроз.

В процессе исследования выявлены внутренние и внешние факторы, формирующие демографические угрозы; дана характеристика реальных и потенциальных демографических угроз; разработаны индикаторы демографических угроз и определены предельные критические значения отдельных составляющих демографической среды. В перспективе предполагается разработать механизм обеспечения демографической безопасности и предложить специальные меры демографической политики.

Предметом исследования в рассматриваемый период стали такие новые социально-экономические процессы и феномены, как миграция иностранной рабочей силы и ее влияние на состояние рынка труда в Сибирском федеральном округе. В рамках этого направления выявлены адаптационные стратегии трудовых мигрантов, рассмотрены этносоциальные процессы на трансграничных территориях округа и специфика межэтнических взаимодействий в условиях нарастающих масштабов иммиграции [15, 16].

Результаты исследований долговременных тенденций в области рождаемости, брачности, семьи, проводимых А.Р. Михеевой, послу-

² Национальные цели демографического развития должны формироваться исходя из демографических интересов государства, общества и личности с соблюдением конституционных прав граждан.

жили основанием для выводов об устойчивости и необратимости процессов распространения малодетности, внебрачной рождаемости, разводов в современной России. При этом характер и траектория происходящих процессов сопоставимы с таковыми в экономически развитых европейских странах. На рубеже веков научно обоснованное социологическое объяснение этого феномена (схожести/сопоставимости) стало особенно актуальным в связи со скороспелыми выводами ряда аналитиков о «переломе» тенденций в России. С целью выявления элементов трансформаций в сфере российской семьи были проведены социологические исследования феноменов внебрачного материнства, неофициального сожительства, послеразводного отцовства, переопределения гендерных ролей в семье, семейных детерминант детской безнадзорности. Материалы исследований показали обоснованность методологической предпосылки о возрастании значения частной/приватной сферы (материнства, отцовства, супружества, интимности) как фундаментальной траектории современности, а также об относительной автономности развития институтов этой сферы.

Важным направлением работ отдела в указанный период являлись исследования экономической стратификации – неравного распределения доходов и материальных благ среди населения (Т.Ю. Богомолова, В.С. Тапилина). В рамках этого направления в 2000-х годах было выполнено несколько исследовательских проектов, в их числе – «Экономическая стратификация населения России: динамический аспект». Выявленный характер изменений в соотношении экономических страт свидетельствует о том, что трансформация экономической стратификации в 90-х годах происходила в направлении, обратном декларируемым целям либеральных экономических реформ, таким как формирование широкого слоя новых собственников, увеличение численности средних слоев.

В исследовании «Роль мобильности по доходам в изменении неравенства в распределении доходов» изучалась «анатомия» связи между ними. В частности, было выявлено, что вклад в уменьшение неравенства делают только восходящая мобильность доходов бедных и нисходящая мобильность доходов богатых.

Исследовательский проект «Бедные в экономической стратификации населения России» был направлен на изучение различных аспектов

бедности населения России в 1990–2000-х годах. Результаты исследования помимо показателей удельного веса бедных в экономической стратификации и его динамики содержат оценки показателей бедности – индекса бедности, индекса дефицита бедности, индекса квадратичного дефицита бедности, а также показателей неравенства бедных (индексы Джини и Сена). Прослежен характер воспроизводства бедности. Выявлены социальный, региональный и поселенческий профили бедности. Определен вклад отдельных социальных групп в бедность всего населения и рассмотрены направления социальной политики по преодолению бедности групп населения с различной глубиной бедности [17, 18].

Из новых направлений можно отметить оригинальное исследование внутрисемейной иерархии и ее влияния на устойчивость и демографическое поведение семьи (Т.Ю. Черкашина), междисциплинарное исследование проблемы наркопотребления среди молодежи (работа проведена коллективом социологов, психологов, педагогов и медиков, руководители – Л.Г. Борисова и И.И. Харченко) [19, 20].

Осознанной стратегией отдела социальных проблем стало и сохранение традиционных направлений исследований. Продолжены не имеющие аналогов в отечественной социологии лонгитюдные исследования условий жизни и *бюджетов времени городского и сельского населения* (руководитель – В.А. Артемов). Бисезонные обследования были проведены сотрудниками отдела в сельских районах Новосибирской области в 1975–1976, 1986–1987, 1993–1994, 1999 гг. Накопленная социологическая информация позволила сделать ряд важных выводов о долговременных тенденциях в использовании времени как в предреформенный период, так и в периоды реформирования общества. Последнее обследование, проведенное в 2004 г. (зимнее) и 2005 г. (летнее), репрезентирует не только сельскую местность Новосибирской области. По большинству показателей его результаты близки к среднерегиональным характеристикам социального и экономического развития села юга Западной Сибири. Это обследование показало позитивные изменения в использовании времени, социально-психологическом состоянии населения, а также стабильность основных ценностей. Первичные данные бюджетов времени и анкетного опроса в виде файлов переданы в Единый архив социологических данных (Москва) для общего пользования.

Продолжается историко-социологическое изучение эмпирических обследований использования времени и развития теории социального времени в России и СССР в XIX–XX вв.: описана предыстория обследований бюджетов времени, показано их широкое распространение в 1920–1930-е годы, а также представлены важные, но малоизвестные теоретические положения отечественных ученых первой трети прошлого века. Предполагается продолжить это исследование и в эмпирической, и в теоретической части, охватив вторую половину прошлого века [21].

Реализации новых и продвижению традиционных направлений исследований в значительной мере способствовали сохранение и дальнейшее развитие *математических методов анализа социологической информации* (П.С. Ростовцев, В.С. Костин). Основным направлением работы группы, занимавшейся этими проблемами, являлись автоматизация анализа данных, разработка программного обеспечения для построения типологий, черно-белого (дихотомического) анализа и др.

Коллектив Новосибирской экономико-социологической школы продолжает активно участвовать в решении актуальных научно-практических задач, связанных с обоснованием основных ориентиров, приоритетов и механизмов реализации социальной политики, направленной на активизацию человеческого потенциала, а также с формированием стратегий развития регионов Сибири на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Стратегические разработки последних лет, в которых участвовали сотрудники отдела, – Стратегия развития Сибири до 2020 года (2000 г.), Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года: новая версия (2005 г.), Стратегия социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2025 года (2006–2007 гг.).

Основные результаты исследований трансформации общества и экономики изложены в монографиях «Социальная траектория реформируемой России» (1999 г.) [2], и «Россия, которую мы обретаем» (2003 г.) [4], опубликованных в серии «Исследования Новосибирской экономико-социологической школы» и внесших весомый вклад в анализ состояния российского общества по трем осям: институциональная система, социальная структура, человеческий потенциал. Подготовлена к изданию третья книга из этой серии – «Россия и россияне в начале столетия: вызовы времени и горизонты развития» (ответственные редакторы Т.И. Зас-

лавская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова). В ней излагаются авторские теории и концепции, отражающие оригинальные варианты объяснения российской реальности и соразвития России с внешним миром, рассматриваются проблемы и результаты «капитализации» человеческого потенциала, выявляются угрозы и риски человеческого развития, обосновывается новый курс социальной и демографической политики.

Неотъемлемая характеристика НЭСШ – большое внимание к студентам и аспирантам. Это повелось еще в те времена, когда Т.И. Заславская работала в Новосибирске и возглавляла отдел социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства. Сотрудники отдела сетовали, что при ее плотном рабочем графике студентам и аспирантам уделяется больше времени. И сегодня непрекращающиеся связи с Новосибирским государственным университетом способствуют воспроизводству научных кадров отдела. Большинство сотрудников совмещают научную работу с преподавательской деятельностью. Ими подготовлены оригинальные курсы в области социологии организаций, материального благосостояния, социальной демографии, экономической и аграрной социологии, социологии семьи, бизнес-организаций, рынков труда, институционального развития российской цивилизации, математических методов анализа социологической информации и др.

Как было и ранее, студенты и аспиранты включены практически во все исследовательские проекты НЭСШ и нередко становятся первой аудиторией, которая знакомится с новыми идеями и разработками ведущих исследователей школы. Ведь преподавание социологических дисциплин на экономическом факультете НГУ является механизмом распространения идей школы, обучения студентов методологическим основам проведения социологического исследования, разработанным в рамках школы, и, конечно же, воспроизводства кадров. В наше непростое время и отдел социальных проблем института, и кафедра общей социологии экономического факультета НГУ смогли обеспечить преемственность поколений и имеют в своем составе достаточное количество талантливой молодежи. Выпускники кафедры, получившие социологическое образование в традициях Новосибирской экономико-социологической школы, рассеяны по всему свету, но продолжают сохранять чувство общности. Новым этапом в развитии

школы можно считать открытие на социологическом отделении НГУ в 2005 г. магистратуры по экономической социологии. В учебном плане магистратуры гармонично представлены зарубежные и отечественные подходы, основные направления исследований НЭСШ и научные результаты других школ в области экономической социологии.

Продолжающиеся традиции раннего включения студентов в научно-исследовательскую деятельность и их участия в научных экспедициях позволяют отделу периодически пополнять свои ряды наиболее талантливыми молодыми исследователями. В настоящее время каждый третий научный сотрудник отдела – в возрасте до 35 лет. В отделе работают пять докторов и семь кандидатов наук.

Ведущие сотрудники участвуют в реализации международных проектов, являются консультантами-экспертами международных фондов, программ и организаций. В традициях коллектива – консультирование зарубежных исследователей по проблемам отечественной науки и социальной практики, активное участие в международных социологических конгрессах, семинарах и конференциях.

В настоящее время НЭСШ переживает период смены поколений. Старшее поколение выполнило свою миссию, сохранив традиции школы, высокий профессиональный уровень, научную честность и ответственность. «Маршальский жезл» переходит в руки молодого поколения социологов – смелых, напористых, целеустремленных. Удастся ли им удержать этот жезл, покажет время, но возможно, это будет уже другая школа.

Литература

1. **Заславская Т.И.** Избранные произведения. Т. 1: Социальная экономика и экономическая социология. – М.: Экономика, 2007. – 735 с.
2. **Социальная** траектория реформируемой России / Исследования Новосибирской экономико-социологической школы; отв. ред. Т.И. Заславская, З.И.Калугина. – Новосибирск: Наука, 1999. – 736 с.
3. **Социологическая** энциклопедия. – М: Мысль, 2003. – Т. 2.
4. **Россия**, которую мы обретаем / Исследования Новосибирской экономико-социологической школы; отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина – Новосибирск: Наука, 2003. – 728 с.

5. **Бессонова О.Э.** Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1999. – 152 с.
6. **Кирдина С.Г.** Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2001. – 308 с.
7. **Шабанова М.А.** Социология свободы: трансформирующееся общество / Отв. ред. Т.И. Заславская. – М.: МОНФ, 2000.
8. **Корель Л.В.** Социология адаптаций: Этюды апологии. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1997. – 160 с.
9. **Корель Л.В.** Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии, методики. – Новосибирск: Наука, 2005. – 424 с.
10. **Бессонова О.Э.** Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. – М.: Рос. полит. энциклопедия, 2006. – 144 с.
11. **Бессонова О.Э.** Образ будущего России и код цивилизационного развития. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2007. – 124 с.
12. **Корель Л.В.** Архитектоника адаптивных механизмов социальных систем: социологический дискурс // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 1. – С. 169–185.
13. **Калугина З.И.** Парадоксы аграрной реформы в России: Социологический анализ трансформационных процессов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2001. – 196 с.
14. **Калугина З.И., Фадеева О.П.** Контур будущего сибирской деревни // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 4. – С. 141–158.
15. **Иностранцы** мигранты на сибирском рынке труда / Под ред. С.В.Соболевой и И.В. Октябрьской. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2006. – 316 с.
16. **Соболева С.В., Чудаева О.В.** О новой демографической политике России: региональный аспект // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 3. – С. 121–138.
17. **Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С.** Экономическая стратификация населения России в 90-е годы: динамический аспект // Россия, которую мы обретаем. – С. 397–414.
18. **Тапилина В.С.** Сибирский средний класс: численность, структура и особенности воспроизводства // ЭКО. – 2007. – № 7. – С. 22–36.
19. **Черкашина Т.Ю.** Экономические статусы супругов: внутрисемейная иерархия / Под ред. Т.Ю. Богомоловой. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2005. – 156 с.
20. **Негативное** потребление среди подростков / Отв. ред. И.И. Харченко. – Новосибирск, 2005. – 184 с.
21. **Артемов В.А.** Социальное время: прикладные и теоретические аспекты исследований. Ч. 1: Предыстория и 20–30-е годы. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2004. – 80 с.